

Судья бѣгло просмотрѣлъ его.

— А вводный листъ у васъ есть?

— Это что-жъ будетъ?..

— Прїѣзжалъ къ вамъ судебный приставъ? вводилъ васъ во владѣніе?

— Нѣ... нѣтъ, не бывалъ.

— Ну, такъ я вамъ долженъ объяснить, что мировой судья, если дѣло идетъ о помѣстьѣ — землѣ или домѣ, все равно — не имѣетъ права разсматривать какіе-либо документы, кромѣ вводнаго листа. Купчую получите назадъ.

Алексѣй Ивановичъ съ недоумѣніемъ принялъ изъ рукъ судьи бумагу и опять бережно завернулъ ее въ пестрый платокъ.

— Стороны, не угодно ли вамъ помириться?—предложилъ судья.

— Какъ это?..

— Не желаю!—твердо отвѣтилъ Писарекъ.

Черезъ минуту судья объявилъ рѣшеніе:

«Въ силу 1 п. 31 ст. уст. гр. суд. опредѣляю: настоящее дѣло признать мировымъ судебнымъ учрежденіемъ неподсуднымъ».

Алексѣй Ивановичъ все съ тѣмъ же совершеннымъ недоумѣніемъ продолжалъ стоять передъ судейскимъ столомъ; но какой-то бывалый крестьянинъ тихонько тронулъ его за рукавъ, по-манилъ къ себѣ и усадилъ на скамью.

— Дѣло твое теперь кончено,—сказалъ онъ въ поясненіе.

— Кончено? На чемъ же?

— Отказали, братъ, тебѣ; не выгорѣло...

У Алексѣя Ивановича помутилось въ глазахъ.

— Отказали? Господи Боже мой! А какъ же купчая-то...

Онъ дрожащими руками сталъ торопливо разворачивать свою пеструю тряпицу.

— Слышь, ты не купчую предоставить долженъ, а вводный листъ, потому—здѣсь купчей хода нѣту. Понялъ?

— Значить, пропала теперь моя головушка! Пропала... пропала...

— Дурашій, чево ты? Чево ты? Коли купчая есть, такъ вводный листъ самое пустое дѣло.

— Дѣтки мои малыя...

— Да ты, слышь, чево ты убиваешься? Я-жъ тебѣ говорю, что вводный листъ самая плевая вещь: даже сичасъ его можно справить.

Алексѣй Ивановичъ поднялъ голову.

— Какъ это?